

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ А. П. ЧЕХОВА

А. П. ЧЕХОВ
СБОРНИК СТАТЕЙ
И МАТЕРИАЛОВ

РОСТОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОСТОВ-НА-ДОНУ, 1959.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

доцентов Л. П. Громова и

И. В. Федорова.

Отв. редактор В. Д. Селегов.

В. В. ЗЕЛЕНЕНКО.

ТАГАНРОГСКАЯ ГИМНАЗИЯ ВРЕМЕН А. П. ЧЕХОВА

(Отрывки воспоминаний)

Публикация П. С. Попова

Сведения о гимназических годах Чехова весьма скудны. Как протекали эти годы, что он делал, как жил, чем увлекался, что его интересовало — все эти вопросы не получили еще исчерпывающего ответа. Помочь ответить на них, думается мне, может отчасти описание жизни Таганрогской гимназии 70-х годов, когда учился Чехов, описание бытовой среды, и времяпрепровождения сверстников и однокашников Чехова.

По свидетельству людей, учившихся одновременно с Чеховым и оставивших воспоминания, рассеянные в поврежденных изданиях, а также и по моим собственным воспоминаниям, Чехов-гимназист ничем не выделялся из среды своих товарищей. Дни и годы его в гимназии протекали так же, как и у всех других; те же увлечения, те же забавы. Дросси¹, его одноклассник, упоминает об увлечении гимназиста Чехова ловлей певчих птиц, а Ленткевич², бывший инспектором гимназии спустя много лет после Чехова и составивший интересный доклад о Чехове-гимназисте на основании ценного архива таганрогской гимназии (кстати сказать, ныне погибшего), даже учебные неуспехи Чехова в младших классах объясняет этим увлечением. Брат Антона Павловича — Михаил Павлович в своих воспоминаниях говорит о другом увлечении Антона Павловича — ловле в гавани бычков. Это же подтверждает и А. Л. Вишневский, артист Художественного театра³. Далее Михаил Павлович Чехов говорит о театральных увлечениях Антона Павловича.

Поступил Чехов в гимназию в 1868 г.⁴, кончил в 1879 г. Пробыл в гимназии 11 лет; учился посредственно-средне, скорее ниже среднего; два раза оставался на второй год: в III-м классе и в V-м; в III-м из-за математики, да и по географии

дело обстояло плохо, а в V-м — из-за греческого. На выпускном экзамене по русскому языку по сочинению имел 4; по математике 3, да и то по большинству голосов, а в сущности срезался, хотя задача была ему предложена чрезвычайно легкая, — математика вообще не давалась Антону Павловичу.

Характерно для того времени — по русскому языку на выпускном экзамене была дана тема: «Нет зла более, как безначалие». Тема, что называется, из «щекотливых», и ученики держали двойной экзамен: не только на «аттестат зрелости», но и на «аттестат благонадежности». Чехов писал сочинение 4 ч. 55 м. и подал его последним из 29 человек.

Сорок лет тому назад я кончил Таганрогскую гимназию⁶. Кончить по тогдашнему времени гимназию — это значило получить выигранный билет. Сколько на моих глазах за время моего пребывания в гимназии было отставших, выброшенных за борт.

Двенадцать лет пробыл я в гимназии; поступил в 74 г., окончил в 86 г.; поступил 8 лет, дотянул до 2-го класса, где был оставлен по малолетству на 2-й год; во 2-м классе для меня алгебра оказалась порогом, через который я никак не мог перепрыгнуть, и, наконец, в 7-м классе был оставлен на второй год за «оппозицию». 17 человек «оппозиционеров», а в том числе и я, были оставлены преподавателем Урбаном⁶ на 2-й год.

Наряду с темными сторонами были в гимназии и светлые: первые проявления дружбы и товарищества; первые проблески сознательной жизни и мысли. И до сих пор я помню, с каким восторгом, можно сказать, опьянением, я впервые прочел Тургенева и Гоголя.

Мне довелось пробыть в гимназии годы мертвящего классицизма и разгула реакции — в отвратительное время господства мракобесия и тьмы. Три ненавистные всем имени неразрывно связаны с этой эпохой: Д. А. Толстого, Каткова и Победоносцева — этих гасильников мысли и душителers всякого здорового чувства и здравой мысли.

Однако, несмотря на удушливую атмосферу, царившую в то время в гимназии, все же и среди педагогов, попадавших с университетской скамьи в эту атмосферу, были люди, хранившие искры живого огня, которым они пытались поделиться с воспитанниками, но время было не подходящее для таких искр и они быстро гасли. Одним из таких людей был В. И. Логинов⁷ — историк. Свой предмет он не втискивал в рамки циркуляров и инструкций. Но гимназические порядки отравляли ему жизнь, он начал пить и вскоре погиб.

Говоря о горькой судьбе некоторых педагогов, нельзя обойти молчанием судьбу Владимира Дмитриевича Старова⁸ — преподавателя латинского и греческого языков. В. Д. Старов был, что называется, «интересный мужчина», симпатичный человек и недурной преподаватель. Видный собой, представительный, красивый, он пользовался симпатиями учеников старших классов, с некоторыми из которых, правда не лучших, он вел дружбу и, как говорили, даже кутил. Несчастьем его жизни была его женитьба на падчерице гимназического учителя Мальцева — красавице Черец. О ней много говорилось среди гимназической молодежи и говорилось нехорошо. Жизнь семьи Старова стала предметом сплетен и пересудов. Это отравляло ему существование, и он стал искать забвения в вине, начал кутить, нередко в компании гимназистов старших классов. Тут вмешался Урбан и пустил в ход очень сильное оружие — донос о том, что Старов на заседаниях Педагогического Совета всегда выступал как защитник гимназистов и принимал их сторону, чем создавал оппозицию Урбану. В результате Старов был переведен в станицу Усть-Медведицу. Жена за ним не поехала и оставила его. Это окончательно сразило Старова. В Усть-Медведице он продолжал пить, учительствовал недолго и вскоре умер. Жена его сошлась с провинциальным актером Соловцовым, уехала с ним в Одессу и там под фамилией Дагмаровой содержала в качестве антрепренерши оперетку.

Из воспоминаний педагогического персонала я помню несомненно выдающегося человека — преподавателя закона божия протоиерея Ф. Покровского⁹, который на уроках закона божия занимался, главным образом, рассуждениями на философские и литературные темы, анализом и критикой Пушкина, Лермонтова, Гете, Шекспира и Шиллера, и я помню, его живое возмущение, если на его вопрос: «Читали ли вы Шекспира», — ученик отвечал отрицательно. Из всех предметов, которые преподавались в гимназии, его «предмет» был наиболее интересен и занимателен, и ученики всегда с нетерпением ожидали его урока.

Протоиерей Ф. Покровский не только выделялся среди преподавателей, но и был заметной личностью среди обывателей Таганрога. Правда «обывательщина» наложила на него свой очень заметный отпечаток, но все же не лишила яркости эту крупную фигуру. Человек достаточно образованный, хороший оратор с прекрасным голосом, он был большим практиком, ловким человеком, умел импонировать. Его службы в соборе были торжественны. Насколько протоиерей Ф. Покров-

ский был либерален для того времени, можно судить по тому, что среди преподавателей он был единственным, кто выписывал радикальнейший в ту пору журнал — «Отечественные записки». Между прочим, о. Покровский любил давать ученикам шуточные прозвища. Это он дал А. П. Чехову прозвище Антоши Чехонте, которым писатель и воспользовался, как псевдонимом в первый период своей литературной деятельности.

Когда при гимназии открыли церковь, о. Покровский не захотел остаться в ней церковнослужителем и оставил таганрогскую гимназию.

Во главе гимназии стоял директор Эдмунд Рудольфович Рейтлингер¹⁰. Он преподавал в 3-м классе латинский язык и в старшем классе читал о французской революции, но все его знание языка заключалось главным образом в нескольких латинских поговорках и пословицах, которыми он и любил щеголять; еще и до сих пор некоторые его поговорки, произносимые зычным голосом, звучат в моих ушах; знания же свои по французской революции он черпал главным образом из трудов Леонтьева, сподвижника Каткова — источник далеко не кристаллической чистоты. Он был немец по происхождению, имел барственный осанку, представительную наружность и величественный голос, которым он тоже не прочь был щегольнуть. Бывало, сидим в классе; на уроке — тишина мертвая, и вот издали глухо доносятся раскаты величественной октавы, — то шествует в сопровождении «Трубы» П. И. Вукова и других Эдмунд Рудольфович. Вдруг раздается громоподобное: «Павел Иванович!» — И. Вуков, одергивая вицмундир, дрожа и поплеывая по сторонам, бежит на зов сломя голову.

На одной из окраинных улиц стоял «домик крошечка» в три окошечка, где жили «прелестницы», дарившие свои ласки людям, хорошо их оплачивающим, а к числу последних принадлежал директор гимназии Э. Р. Рейтлингер. До чего была патриархальна жизнь. Днем, «при ярком сиянии солнца» солидный муж, стоявший во главе местного просвещения «светильник», можно сказать, не стеснялся бывать в местах, посещение которых считалось зазорным. При появлении «знатного гостя» «домик-крошечка» наглухо запирался. Закрывались даже ставни окон. Мы, гимназисты, малыши лет 12—13, наблюдали эти путешествия нашего «добротного пастыря» со двора моего приятеля гимназиста, жившего напротив, и бомбардировали в таких случаях ставни домика камнями.

Старушка, стоявшая во главе «предприятия», выбегала на улицу и посылала проклятия нарушителям «покоя и сладких утех».

Был он человек добродушный, незлобивый, не любил ни о чем беспокоиться, но и не хотел, чтобы его беспокоили. Не прочь был иногда и пошалить на стороне, чему мы были свидетелями.

Вот приближается день рождения Эдмунда Рудольфовича, не помню, когда именно, — осенью. Задолго до этого в классах проводится подписка: идут сборы на торт. Наступает наконец высокоторжественный день, начинаются подношения — вереница тортов и пирогов. Часам к двенадцати вся гимназия собирается на площадке перед квартирой директора и на лестнице. Классы пустеют, гимназисты высыпают на улицу. Толпа гудит. Наконец, двери директорской квартиры растворяются, показывается виновник торжества, кланяется; в ответ — громоподобное «ура», общее ликование. В перспективе роспуск по домам.

Первая половина торжеств окончена. Через несколько дней начинается вторая. Классы в порядке подношения пирогов приглашаются приблизительно часам к 11 утра к директору на шоколад. И вот, каждый класс торжественно, под предводительством классного наставника, шествует в квартиру директора, чинно рассаживается и пьет с тортами шоколад. Затем класс распускается по домам. Торжества кончились. Жизнь вступает в обычную колею.

Чтобы покончить с Рейтлингером скажу еще, что великолепный обычай не оставлять никого на второй год в 7-м и 8-м классах, был введен в жизнь и укрепился при Рейтлингере. Только с водворением Урбана в гимназии этот обычай отошел в область предания.

Истинным героем гимназии был инспектор Александр Федорович Дьяконов. Личность до некоторой степени легендарная. Сколько разговоров, шуток, анекдотов ходило о нем среди гимназистов. Сухарь, человек жесткий, он и внешним своим обликом напоминал высушенную воблу. Говорят, А. П. Чехов писал «Человек в футляре» с Дьяконова, но последний акт его жизненной карьеры показал, что Дьяконов не совсем был, «человеком в футляре», и в его груди билось сердце, не чуждое великодушным порывам и способное к проявлению теплых чувств.

Дьяконов отличался феноменальной скупостью. У него

было две сестры, старые девы. Говорили, что Александр Федорович носил из-за скупости ботинки своих сестер и летний бурнус — разлетайку. Его внешний облик — манеры, жесты, приемы, присловия, выражения не были лишены своеобразия и оригинальности и служили среди гимназистов предметом шуточного подражания. Выражения «как мокрое горит», «нелегкая несет» и другие — я уже забыл их — вошли в обиход гимназической речи.

А. Ф. Дьяконов жил крайне замкнуто и уединенно, нигде не бывал и никого у себя не принимал. Он нажил два хороших дома, приносивших изрядный доход. А. Ф. Дьяконов был не сдержан и однажды зашел за пределы дозволенного, когда побил ученика Барбати. Это получило широкую огласку и даже стало предметом жандармского дознания. Но все обошлось благополучно и этот печальный факт последствий не имел. Дьяконов продолжал служить и занимать место инспектора. Попыток к новому «рукоприкладству» он не делал.

Единственное удовольствие и единственное развлечение которое он себе позволял — это уженье бычков на удочку, которому он со страстью и предавался. Во время каникул, рано по утрам его часто можно было видеть сидящим на молу.

А. Ф. Дьяконов преподавал в низших классах латинский язык, был строг и требователен, но наушничества, шпионства, доносов не выносил. Он был формалист до кончиков ногтей, и столь сух, что, казалось, никакое человеческое движение души ему не доступно. Поэтому последний этап его жизненной карьеры, как я уже сказал, удивил всех и примирил с ним. Он умер и по духовному завещанию все капиталы — около 70 тыс. и 2 дома — оставил неимущим из учительской корпорации, главным образом, сельской.

Юлий Федорович Маак¹² был оригинал. Преподавал он математику и физику. Большой знаток своего предмета, особенно физики, он был, вместе с тем и большой лентяй. Под конец он совсем обленился и редко посещал уроки. Когда же являлся на урок и брался за мел, чтобы доказать какую-либо теорему или произвести опыт по физике, он увлекался, прыгал вокруг доски, колотил по ней мелом, и в конце концов мел разлетался в его руках на мелкие куски. Он находился в родственных отношениях с директором гимназии Рейтлингером и, пользуясь этим, манкировал своими обязанностями.

Маак был большой любитель роз и, оставаясь дома, занимался их разведением. Его природная лень помешала ему

продвинуться на служебном посту и сделать административную или ученую карьеру, к чему у него были все данные. Преподавания он не любил, и гимназия была ему ненавистна. В общем он производил впечатление человека опустившегося; он был неряшлив и на свою внешность не обращал внимания.

Рейтлингер, уезжая в Киев, захватил его с собою в университет; там он служил в качестве субинспектора.

Уже одно то, что Павел Иванович Вуков¹³ был связан с таганрогской гимназией чуть ли не 50 лет, дает право его выделить.

Я поступил в гимназию в 1874 г., тогда Павел Иванович был бравым мужчиной; я пережил юность, годы мужества, начал «спускаться в долину лет преклонных», а Павел Иванович все был крепок, как дуб.

Наезжая время от времени через долгие промежутки в Таганрог, я встречал Вукова все таким же крепким, здоровым, стройным. Прожив долгую жизнь, он в первой половине 20-х годов скончался.

Человек без всяких претензий, Вуков имел две слабости, которые не укрылись от внимания учеников. Он был франт, заботливо относящийся к своей наружности, верящий в свою неотразимость. Это — первая его слабость, и вторая слабость, о которой еще дедушка Крылов писал:

«С приятелем своим гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал
И к былям небылиц без счета прилагал».

Он любил, как говорят у нас на юге, «запускаться» и часто можно было видеть его гуляющим в коридорах гимназии или летом во дворе, окруженным толпою гимназистов, и тут он «к былям небылиц без счета прилагал».

В этой слабости у него был конкурент, имевший перед ним «преимущество» — это другой помощник классного наставника С. К. Монтанруж, который в небылицах перешиб Вукова. Среди гимназистов долго ходили его легендарные рассказы, как он, одетый во фрак, на бочке переплывал Босфор, чтобы попасть к какому-то посланнику на раут.

Преподаватели греческого языка, до приезда Урбана, были Константин Ефимович Зико, Арсений Николаевич Дьяконов и Баташов; немецкого — Эмилий Иванович Штейн, а после его смерти Плигал; математики — Ипполит Антонович Островский, а после его смерти — Александров и Константин — Кока, как мы его звали — Сарандино; французского,

последовательно, Буссар, Лоран, Деш, Шааль; русского — Стефановский, Никольский и Андрей Иванович Мальцев; географии — Иван Федорович Крамсаков, Сосняков; преподавателем чистописания и рисования — Егор Андреевич Овсяников; истории — П. П. Филевский. Директором гимназии после Э. Р. Рейтлингера был Генрих Нейкирх.

Константин Ефимович Зико,¹⁴ как я сказал, преподавал греческий язык. К сожалению, при мне он был очень недолго, когда я был в V классе, он уехал за границу и сменивший его Урбан ни мало не походил на него. Зико был родом грек, плохо говоривший по-русски, но последнее обстоятельство несколько не делало его смешным, а придавало ему некоторое своеобразные черты. Говорили, что он держал учеников у себя на квартире, чтобы нажить деньги и уехать к себе в Грецию. Если это так, то цели этой он достиг, ибо действительно уехал за границу. Он был большой знаток греческих классиков и обладал громадной памятью. Книги никогда не держал в руках; бывало придет в класс, усядется за стол и ломаным, шипящим и шепелявящим языком, нарочито коверкая фамилии, — он к тому же, как и протоиерей о. Покровский, любил давать ученикам шуточные прозвища — вызывает ученика и говорит: раскройте на такой-то странице, такую-то строку и читайте. Сам сидит, слушает, поправляет и отпускает шутки. С учениками держал себя по-приятельски; то хлопнет журналом по спине, то ладонью по животу и тут же отпустит шутку. На улице, если вы идете впереди с ранцем под мышкой, незаметно подкрадется и палкой вышибет ранец, а сам проходит мимо, не обращая на нас внимания, как будто бы это и не он сделал.

Предметом своим он совершенно не душил и на уроке, в то время, как ученик переводил классика, занимался чтением газет несколько не теряя нити перевода и поправляя ученика в случае допущенных ошибок.

Образ Зико для меня более смутен, чем чей-либо другой, но тем не менее не лишен некоторого своеобразия. Внешность Зико делала его заметным. Он был высок, статен, с несколько вывернутыми ногами. На лице выделялись седеющие усы, делавшие его похожим не то на кота, не то на моржа; глаза были с оттенком добродушной хитрости и лукавства.

Арсений Николаевич Дьяконов преподавал в старших классах латинский язык; говорили, что он большой знаток своего предмета. Болезненный, с большой черной бородой, он производил впечатление строгого, почти сурового человека. Он

был родственник директора Рейтлингера. В скором времени он был переведен в Екатеринослав, хорошо не помню, директором или инспектором народных училищ.

Иван Федорович Крамсаков¹⁵ — личность архаическая, — обломок старины глубокой. Ему бы родиться и преподавать несколькими десятками лет раньше.

В его лексиконе словечки «дурак», «осел», а подчас и «скотина», — «пошел вон» — были обычны. Правда, в этом не было ничего злобного. Он преподавал географию и в младших классах арифметику, причем, особенность преподавания заключалась в том, что ученики вызывались к доске решать задачи в порядке алфавита, а задачи шли по одному и тому же учебнику в порядке нумерации, и каждый ученик заранее знал, какая задача ему придется, а потому и был уже готов к ответу. Если же почему-либо не успевал подготовиться, то отпрашивался среди урока и выходил, а его задача попадала к следующему.

Он оставил гимназию, когда я был в младших классах, вышел в отставку и уехал в Новочеркасск доживать остаток дней на пенсии. Я был очень удивлен, когда случайно, перелистывая каталог одной из библиотек, прочел: «Крамсаков. Перечень растений, собранных в Донской области, преимущественно в окрестностях Новочеркасска и Таганрога», 1871 г.

Любимым развлечением учеников — шалунов и забияк, было следующее. Идет урок, допустим, Крамсакова или Овсянникова, прозвище которого среди учеников было «козел». На уроке шум, жужжание, шарканье ногами, усиленный кашель, музыкальная игра на поломанных перьях — обычные шалости. Вдруг открывается в класс дверь и раздается замогильный голос: «китайский мандарин» или «козел, мэ», смотря по преподавателю! Слышна беготня по коридору, ученики вскакивают из-за парт, с топаньем и криком кидаются к двери, затем по коридору, якобы с целью изловить виновника. Преподаватель гонится за учениками с криком «Назад! Назад!». Тут ему на помощь является помощник классного наставника Монтанруж или Вуков, помогают загнать учеников в класс и водворить порядок. Ученики якобы с большим негодованием на нарушителя тишины и покоя, выражая громко угрозы «подожди, мол, попадешься нам», рассаживаются по местам, чтобы снова начать шалости.

Эмилий Иванович Штейн¹⁶ — преподаватель немецкого языка, человек без всякого образования, но ловкий, неглупый, умевший держать себя, одетый всегда с иголки, но солидно.

Большая седеющая борода придавала ему осанистый и важный вид. Он пользовался авторитетом и влиянием, и на заседаниях педагогического совета с его голосом очень считались.

Из преподавателей, бывших в Таганрогской гимназии в мое время, трое воспитанники этой же гимназии. При мне они окончили и при мне поступили в нее преподавателями: П. П. Филевский, К. Сарандино и Александров. Последние двое окончили гимназию с серебряными медалями и преподавали физику и математику, П. П. Филевский — историю. Александров — знаток своего предмета и при том талантливый преподаватель, — учительствовал в Таганрогской гимназии недолго, затем был переведен в Браилов и здесь вскоре скончался.

Преподавательская карьера Коки, как мы его звали, Сарандино, не удалась. Способ обучения при отсутствии знаний и умения объяснять свой предмет вызывали у учеников улыбки и насмешки. Он в скором времени оставил преподавание и выехал из Таганрога.

Филевский, если не ошибаюсь, начал свою педагогическую карьеру в 1884 году и оставался преподавателем до конца существования гимназии, т. е. около 30 лет. Один из немногих, а может быть и единственный преподаватель, оставшийся в живых от тех времен.

Он принадлежал к числу тех весьма и весьма немногих педагогов, которые всячески стремились заинтересовать своим предметом учеников и раздвинуть рамки своего преподавания за пределы, дозволяемые официальной программой, инструкциями и циркулярами. На его уроках веяло живым духом, и действительно ему удалось вызвать у многих из учеников интерес к истории. Это заслуга немалая. Филевский являлся вместе с тем и историком края и при том, едва ли не единственным, написавшим очерки по истории Таганрога и очерки по истории Таганрогской гимназии.

Еще вспоминается Ипполит Антонович Островский¹⁷ — преподаватель математики и физики; он прибыл в Таганрогскую гимназию, кажется, в 1878 году, когда я был в 3-м классе.

Мужчина высоченного роста, худой, с маленькой головкой, на высоких ногах; он несколько напоминал журавля. Его объяснения геометрических теорем не могли не вызвать вопрос: — зачем этот человек избрал своим предметом математику? Видно было, что в своем деле он, что называется, не «хозяин», что перед уроком он не раз заглядывал в учебник. Островский представлял полную противоположность Ю. Ф. Мааку. Насколько последний в своих объяснениях задачи, или физиче-

ского опыта, или явления увлекался, был подвижен, горел, и кипел, настолько И. А. Островский был сух, вял, скучен, тянул, затруднялся, и, когда доводил объяснение до конца, то чувствовалось, что большая тяжесть свалилась у него с плеч. Благополучный конец стоил ему труда и усилий.

В Таганроге он нашел свою судьбу: женился на преподавательнице женской гимназии. Склонный к болезням, он заболел туберкулезом и скончался.

Гимназическим врачом был Штремпф. Многие биографы Чехова считают, его косвенной причиной того, что Чехов избрал себе медицинский факультет и стал врачом¹⁸. Антон Павлович, будучи гимназистом младших классов, при поездке в степь в жаркий день, выкупался в студеной степной речке, простудился и тяжело заболел. Лечил его врач Штремпф. Во время болезни Чехов так полюбил его, что решил поступить на медицинский факультет и именно в Дерпт, где учился Штремпф. В течение всего моего пребывания в Таганрогской гимназии Штремпф был гимназическим врачом, и это было единственным источником его существования. Практики он не имел и лишь в очень редких случаях, когда никого из врачей не было под рукой, его приглашали к больному. Он с важностью и авторитетным тоном любил поговорить. В разных затруднительных житейских случаях, воспитатели мои приглашали его на консультацию. В один из моих приездов в Таганрог уже в студенческие годы я узнал, что Штремпф умер в крайней бедности. Как оказалось, не было даже сорочки, в которую можно было одеть его тело. Похороны устраивала гимназия, так как Штремпф был одинок и никого из родственников и близких у него не было.

Ко всему вышесказанному надо еще прибавить несколько слов о занятиях пением и гимнастикой. Занятия гимнастикой вызывали у нас полное отвращение, а поэтому мы стремились по возможности отделаться от них. На большой перемене урок гимнастики заключался в приседаниях, в выбрасываниях рук и ног и изредка в маршировании. Все это было принудительно и нудно, как изучение вокабул греческого и латинского языков. Зато наряду с этой официальной гимнастикой процветала другая, ничего общего не имевшая с первой. Тут любители трапеции и параллелей «откалывали» и «отдирали» разные штуки, собирая толпу учеников-зрителей, вызывая восторг и удивление тех, кому слабость физическая не давала возможности вызывать восхищение зрителей. Прыгать через «кобылу» с дальнего «забега» тоже было любимым номером у та-

кого рода «штукатурей». Преподавателями гимнастики были офицеры местной 5-й резервной артиллерийской бригады, появившейся в Таганроге после русско-турецкой войны в 1878 г., да так здесь и застрявшей на много лет. Из них я помню штабс-капитана Соляникова, очень приличного и интеллигентного человека. Его сменил поручик Триполитов — красавец-мужчина с большой черной бородой, сквернослов, но пользовавшийся популярностью среди солдат, которые сложили про него песню; помню слова обращения к нему: «Триполитов наш поручик, рассуди ты нас, голубчик».

В Таганроге была популярная личность — Семен Николаевич Джапаридзе — человек горячий и скорый на расправу. Он постоянно носил за голенищем сапога плетку, которую и пускал в ход как самый убедительный и сильный аргумент, доказывавший правоту. Сделавшись впоследствии таганрогским полицмейстером, он нашел еще более широкое применение для плетки.

Осенью 1905 года волна еврейских погромов прокатилась по всей России. Таганрогская еврейская община, тревожась о предстоящей горькой участи, обратилась к Джапаридзе. Он дал слово, что погрома не будет, и сдержал его. Погрома не было. Говорили, что не обошлось без «барашка в бумажке». Полицмейстером он был не долго. Заболев психически, он вскоре умер.

Популярность Джапаридзе приняла широкие размеры, после того как в городе стало известно о его дуэли. Он стал героем дня, о нем заговорили. Противник его был штатский человек — барон Ферзен¹⁹. Стрелялись в Дубках. Тут было сделано все, что полагается по кодексу и ритуалу дуэлей. Противники стали друг против друга, каждый выстрелил в воздух, затем сошлись, пожали друг другу руки и разошлись.

Преподавателями пения были регенты соборного хора, который был прекрасно организован. Так как я в течение своего пребывания в гимназии пел в гимназическом хоре, то я их всех хорошо помню. Первым при мне был Михеич, и фигуру эту со скрипкой и камертоном в руке я живо представляю себе. Этот Михеич скоропостижно умер, и среди публики долго держался слух, что его похоронили живым; было предположение, что он впал в летаргический сон. Факт этот нашел свое отражение в письмах братьев Чеховых; оба они хорошо знали Михеича²⁰.

Следовавшие за ним регенты Словочевский и Гордовский

были мастерами своего дела. Последний, оставив Таганрог, организовал Украинскую капеллу и с ней раз'езжал по югу России, всюду вызывая восторги артистическим исполнением украинских песен; он был первым популяризатором украинской народной хоровой песни.

Последним регентом был Анастас Анастасьев — «Тася», как его называли гимназисты. Это был горячий пьяница, со слезой в глазах, с дрожью в голосе и в руках. Когда он, на классной доске пытался написать ноты, рука его делала скачок то вверх, то вниз, то в сторону. Это вызывало шутки и смех учеников. Надо сказать, что на совести учеников 7-го и 8-го класса, певших в хоре, лежал грех спаивания «Таси». Частенько спевки заканчивались «выпивонами» и «закусонами».

Нельзя обойти молчанием сторожа приготовительного класса Ивана, по прозвищу «Труба». Почему именно «Труба» — это осталось для меня неизвестным. Был Иван своеобразной личностью, не лишенной некоторой колоритности. Высокий худой, постоянно с трубкой во рту, на которой по моде того времени на ремешке болтались игла для чистки трубки и еще какие-то курительные принадлежности. Шутник, крикун и балагур, он, вместе с тем, был пестуном и нянькой для малышей приготовительного класса. В холодные зимние дни он заботливо укутывал их и отправлял по домам, смотрел за ними и всячески оберегал. Он был правой рукой Сомова, и последний все заботы о внешнем и внутреннем распорядке по классу возложил на «Трубу», так как сам он постоянно был занят хозяйственными заботами по своему дому и хуторку, который он имел где-то в окрестностях Таганрога. «Труба» был вместе с тем знатоком всех тайн гимназии и всей интимной стороны жизни гимназического персонала; от его глаза и нюха ничто не могло укрыться. Все, что обсуждалось на тайных педагогических заседаниях и что волновало учеников, — все это было доподлинно известно «Трубе», и всем этим он острожно делился с заинтересованными гимназистами. Иван постоянно был окружен толпой, балагурил и кричал: получал письма, газеты и разносил всю корреспонденцию, поступавшую в гимназию. Вот на этом то покоилась другая более важная роль «Трубы» в гимназической жизни.

Тот, кто учился в те годы в гимназии, хорошо знает и помнит, какую роль играли в жизни гимназиста экзамены. То был порог, который надо было перепрыгнуть. Прыжок этот для многих сопровождался членовредительством.

Особенной строгостью и торжественностью обставлялись выпускные экзамены 8-го класса. Сначала шли письменные экзамены, затем устные. Письменные были решающие, а первым письменным был экзамен по русскому языку. Провалившийся, т. е. написавший неудовлетворительно на заданную тему, был человеком конченным: к дальнейшим экзаменам он не допускался. Экзамены происходили в обширном актовом зале, где каждому ставили отдельный стол и стул; ученики сидели на приличном расстоянии друг от друга. Между рядами парт в неусыпном надзоре ходили преподаватели, которые назначались на каждый экзамен в числе трех человек. Таким образом, казалось все было предпринято и ничего не было упущено, чтобы воспрепятствовать какой-либо помощи извне.

И, однако, никакие предохранительные меры не помогали. Хитрость, ловкость и настойчивость преодолевали все. Это была сложная организация, выработанная долгой практикой и опытом. Подготовительные меры принимались задолго до экзаменов. В конце осени уже начинались среди учеников 8-го класса регулярные взносы; по углам и в укромных местах собирались кучки учеников, о чем то тайнственно шептались: в воздухе пахло конспирацией. О чем же шептались по углам, шушукались по укромным местам? О темах к будущим экзаменам.

О сборах денег сведения дошли каким-то образом до начальника Екатеринославского Губернского жандармского управления, и 25 апреля 1883 года он написал таганрогскому жандармскому ротмистру «о собирании негласным путем сведений, полученных Департаментом полиции о том, что среди воспитанников таганрогской мужской гимназии производится сбор денег с преступной целью, и собранные деньги предположено отправить в Одессу некоему Рабиновичу».

«Депутат» от гимназий выезжал в Одессу еще зимой и здесь завязывал связи и изыскивал пути проникновения в канцелярию попечителя; и мне припоминается, что фамилия такого посланца была именно Рабинович. Следует сказать, что такие подготовительные работы вели все гимназии Одесского округа, так как тема для гимназий была одна. И все усилия были направлены к тому, чтобы тем или иным путем добыть ее из канцелярии попечителя округа.

Гимназии вступали в тесные отношения между собою; посылались депутаты для переговоров и выработки общего плана. В конце концов так или иначе удавалось проникнуть в «святилище» и добыть ценность, хранящуюся за семью зам-

ками. Радости и ликованию не было конца: считалось, что аттестат зрелости в кармане.

Не всегда удавалось добыть тему в канцелярии попечителя; могло случиться так, что в канцелярии становилось известным, что тема обнаружена, и тогда давались запасные темы. Следовательно, нужно было изобретать и находить новые способы и пути.

И вот тут-то и выступал «Труба». Он был в заговоре с гимназистами. С почты давали знать, что из Одессы от попечителя пришел увесистый пакет, — пришли темы. И вот по дороге между почтой и гимназией в частной квартире ожидали ученики с заранее изготовленным снимком с печати попечителя. По дороге были расставлены дозорные, которые должны были следить за движением «Трубы». Под их эскортом «Труба» шел на квартиру. Все нужно было проделать с чрезвычайной быстротой, вскрыть осторожно пакет, списать тему и снова заделать конверт. Каких-нибудь 15—20 минут бывало достаточно, чтобы проделать всю эту операцию.

В описываемое мною время по существу и не было нужды во всех этих подготовительных операциях. В течение ряда лет с 70-х годов держался прочно установившийся обычай, строго и свято соблюдаемый: ученик, перешедший из 6-го класса в 7-й, считался уже как бы окончившим гимназию. Нужно было только ждать два года. Ученики 8-го класса как бы уже считались студентами и пользовались целым рядом льгот. Посещали гимназию, когда хотели, являлись на второй, на третий урок; учебников, а тем более ранцев, с собою не носили; формы в одежде строго не соблюдали; занятия состояли исключительно в повторении пройденного, к чему как преподаватели, так и ученики относились легко.

В течение ряда лет не было ни одного случая, чтобы ученик, перешедший в 7-й класс, не получил аттестата зрелости. Таковы были в те далекие годы порядки, нравы и обычаи в гимназии. Донос, шпионаж, надзор не имели места в те годы; они появились позже. Это создало известность и, можно сказать, славу таганрогской гимназии, в которую потянулись неудачники со всех концов если не России, то юга России. В те годы существовало несколько таких гимназий, пользовавшихся широкой известностью. К весне обыкновенно съезжалось таких «экстернов» человек 6—7, а то и до десятка. Чаще всего они обладали весьма малым количеством знаний и шли на экзамены, что называется, «на ура». Терять было нечего. Провалишься в этом году, можно попытаться в следу-

ющем. Можно, наконец, переехать в другую гимназию и там снова начать этот круг. И я помню несколько таких экстернов, державших экзамены из года в год. Обыкновенно они приезжали в конце зимы, заводили связи с гимназистами, для большего объединения устраивали чаепития, а то и пирушки.

Те подготовительные к выпускным экзаменам мероприятия, о которых я говорил раньше, явились впоследствии, когда времена изменились. Не всегда, однако, удавалось заблаговременно достать из канцелярии попечителя тему, и тогда настоятельно требовалась подмога извне. Тут практиковался следующий прием. Как я сказал, экзамен производился в актовом зале, находившемся во 2-м этаже. Окна зала выходили на улицу; перпендикулярно к фасаду гимназии шел бульвар, поросший кустами и густой травой. Вот в этой то траве, между кустами, залегали дозорные, которые, не спуская глаз, смотрели на окна актового зала, где совершалось священнодействие — экзамены. Окна вследствие жары открывались, на окно ставилось ведро с водою для питья. Какой-нибудь искусник быстро писал заданную тему, комкал бумажку в шарик, незаметно бросал его в кружку и выплескивал воду за окно. Дозорный подкрадывался, хватал бумажку и мчался на ближайшую квартиру, где уже заседали «знатоки предмета». Работа кипела. Перевод или решение задачи в каких-нибудь полчаса были готовы.

Но что же дальше? Как передать их по месту назначения при строгой изоляции экзаменующихся?

Несколько раз практиковался такой прием. Экзаменующихся учеников выпускали в учительскую уборную, находившуюся во втором же этаже, против залы, где шли экзамены. Уборная была не промывающаяся, как это делали в старину. Вот в этой то уборной под сидением примащивался швейцар — там было помещение, где мог стоять человек во весь рост — и как только вошедший в уборную ученик подавал знак и подымал ручку, в образовавшееся отверстие просовывалась палка, на конце которой была исполненная тема. Ученик возвращался за свой стол уже «вооруженный»²¹.

Все эти махинации могли, конечно, совершаться при близком участии швейцаров и сторожей, и в данном случае Иван «Труба» играл роль главного организатора.

В младших классах я сам участвовал не раз в качестве дозорного и однажды изрядно поплатился за это. Было это так. Группа учеников 7-го класса, которая должна была помогать в целях ускорения работы, устроилась тут же при гим-

назии, в сарае; но в сарае был глубокий ледник; по забывчивости оставили открытым люк. С темой в руке, которую я подобрал у окна, я промчался в сарай и провалился в открытый люк. Меня вытащили без чувств. Я расшибся в кровь, но историю замяли, и все кончилось благополучно.

Чем же жили гимназисты того времени? Каковы были их увлечения?

Это был период увлечения театром и театральным искусством. Когда я учился в младших классах — в старших царило это увлечение. Я перешел в старшие, и сам заболел этой болезнью. Очевидно, заболевание это свойственно известному возрасту. Гимназисты вообще были поклонниками талантов, и всякий талант находил себе восторженных почитателей. Но тут были поклонники чистые, бескорыстные и восторженные. Сколько раз я возвращался из театра с осипшим голосом, с отбитыми ладонями. Бывало, вся публика разойдется, потушат свет, но кучка гимназистов, неистовых поклонников, свирепствует и бушует на галерке и в зрительном зале.

В начале 80-х годов в течение нескольких лет на подмостках Таганрогского театра подвизался трагик Бабилов, представитель вымиравшего к тому времени типа Несчастливцевых. Этот Бабилов был особенно почитаемым гимназистами; к числу восторженных его поклонников принадлежал и я.

До сих пор я помню Бабилова в ролях «Гамлета»; Франца и Карла Моора — он играл в «Разбойниках» обе роли; Бабилова мы любили, и он нам платил тем же. На устраиваемых раза два в году вечерах в пользу недостаточных гимназистов он обязательно выступал. Помню, читал он Майкова «Поля». Вызовам не было конца. Одновременно с Бабиловым играл талантливый комик Чужбинин. Увлекались театром все мои друзья и приятели. Особенно восторженно принимался «Гамлет». Мы зачитывались монологами «Гамлета», имели несколько переводов, сравнивали их и отдавали предпочтение тому или другому переводу. Монологами и отдельными фразами из «Гамлета» мы пересыпали нашу речь²².

Приблизительно в то же время в Таганроге подвизалась опереточная труппа с отличным подбором артистов, которые здесь, в Таганроге, создавали себе имя и положили начало своей сценической карьере. Здесь выступал Чернов — таганрожец, бывший гимназист Эйгорн, закончивший свою сценическую карьеру на Марининской сцене, Неделин, впоследствии крупный антрепренер в Киеве, артистки Райчева, Шоро-

хова и другие. Все они были талантливые артисты и певцы. Таганрог одно время сходил с ума от оперетки. Гимназисты тоже поддались этому увлечению и наряду с прочими таганрожцами распевали арии и дуэты из оперетток. Особенный фурор производила оперетта «Корневильские колокола», исполнители которой Чернов, Неделин, Райчева и Шорохова сводили с ума таганрогских дам и кавалеров.

С опереттой этой, между прочим, связано начало журналистской карьеры ставшего впоследствии известным в Приазовье А. Тараховского²³ под именем «Шиллер из Таганрога» и о котором А. П. Чехов, как это видно из переписки с ним, был высокого мнения. А. Тараховский учился в Таганрогской гимназии одновременно со мною в одном классе и решительно ничем не выделялся. По успехам и по дарованиям он был ниже среднего уровня. В «Таганрогском вестнике» за своей подписью А. Тараховский, будучи учеником 7 класса, поместил ряд статей и заметок. Это было роковым событием для него и послужило причиной удаления его из гимназии. На поприще журналистики А. Тараховский преуспевал. Он приобрел себе имя, положение, стал влиятельным журнальным деятелем; пред ним заискивали, его боялись. Литературный багаж А. Тараховского был столь невелик, что непонятно, как А. П. Чехов мог усмотреть в нем крупного журнального деятеля²⁴ и звать его в Москву, убеждая, что Таганрог, Ростов и вообще Приазовье — узкое поле для его деятельности.

Театр занимал в жизни гимназистов не малое место, но посещение театра сопряжено было с некоторым риском, так как гимназическими правилами было строго воспрещено. Поэтому чаще всего приходилось посещать театр тайно: мы забирались на «галерку», сбросив гимназическое платье, и переодевшись в «партикулярное», как тогда говорили. Зато, забравшись на «галерку», мы чувствовали себя великолепно и наслаждались не столько пьесой и игрой артистов, к слову сказать, зачастую весьма посредственных, сколько возможностью покричать до хрипоты и вступить в пререкания с полицией, охлаждавшей наши восторги угрозой вывода из театра и составления протокола.

Всеволод Гончаров и Марк Краса, бывшие первыми певцами в гимназическом хоре, подобрав себе соответствующую компанию, забирались в театр спозаранку и хором, по тону, кем-либо заданному, начинали «пора» и «время», хотя до начала спектакля оставалось $\frac{1}{2}$ часа и более, пока полиция не выводила кого-либо из них из театра.

Такое поведение не могло не тревожить гимназическое начальство. В архиве таганрогского театра сохранилась любопытная переписка по этому поводу. Обеспокоенное буйным поведением гимназистов, попечительное гимназическое начальство в лице директора гимназии пишет дирекции театра: «для тщательного надзора за учениками гимназий необходимо допустить бесплатный вход в театр помощнику классного наставника». Тогдашний антрепренер театра Вальяно небезосновательно ответил директору гимназии, что для надзора за порядком есть полицейские чиновники. Потерпев фиаско, директор все же нашел необходимым посылать в театр на спектакли, но уже за плату, помощников классного наставника П. И. Вукова и С. К. Монтанружа поочередно. Следует, однако, сказать, что наблюдение их не было особенно строгим и несколько не сдерживало бушевавших на галерке гимназистов.

Что мы смотрели в театре в конце 70-х и начале 80-х годов? Каков был тогдашний репертуар и какова была духовная пища, которую преподносили зрителю с подмостков?

О воспитательном значении театра, с уверенностью можно сказать, никто тогда не думал. Театр, театральное дело было такое же коммерческое предприятие, как и всякое другое. В театре в описываемое мною время главным образом ставились мелодрамы, причем после слезливой, душераздирающей пьесы обязательно шел развеселый, часто с пением и танцами, водевиль. В течение сезона и при том раза по два, а то и более, шли пьесы: «Две сиротки», «За монастырской стеной», «Парижские нищие», «Убийство Коверлей», «Ограбленная почта», «Кин», «Русская свадьба», «Каширская старина» и другие²⁵. Изредка ставили пьесы Островского, между прочим, в «Лесе» в роли Несчастливцева впервые выступил А. Л. Вишневский, ставший впоследствии видным артистом Московского Художественного театра. Заезжали также гастролеры. Это были праздники для любителей искусства, к которым готовились задолго. Заезжих гастролеров, особенно артистов, после спектаклей провожали из театра в гостиницу, выстраиваясь у выхода из театра, с цветами и факелами, и иногда заказывали карету, выпрягали лошадей и везли на себе. При этом частенько происходили стычки и столкновения с полицией, которая пыталась бороться с нарушителями тишины и «благонравия». На галерее всегда был наряд полиции с околоточным или помощником пристава во главе, но «всеуми-

ротворяющая рука директора гимназии Райтлингера спасала положение, даже если дело доходило до протокола.

В 70-х годах в Таганроге несколько зим гастролировала итальянская опера, некоторые из артистов которой стали мировыми величинами.

Эти заезжие труппы оставили в Таганроге много музыкантов, которые осели в городе; они участвовали в местном струнном оркестре, игравшем летом в саду, а зимой в театре. Музыканты эти: Гаэтано Молло²⁶, много сделавший для музыкального образования таганрожцев, общественный деятель, постоянный организатор в течение десятков лет концертов в пользу недостаточных гимназистов, выдвинувших много крупных артистов — певцов и музыкантов; Никола Офичиозо Сартти, Бертини, Руска, Луппи и другие, фамилии которых я не помню. Гаэтано Молла был оригинальный человек с оригинальной наружностью, — очень плохо говорил по русски, несмотря на то, что прожил в России несколько десятков лет и был женат на русской! Он занимался преподаванием музыки, давал в домах тогдашней аристократии уроки игры на рояле и в течение десятков лет был дирижером оркестра в городском саду. Молла был пропагандистом итальянской музыки и ее главным образом насаждал в Таганроге. Не знаю, верно ли это, но Таганрог считался музыкальным городом и, если это так, то несомненно роль Гаэтано Молла в этом не малая. Благодаря тому, что Таганрог пользовался репутацией музыкального города, многие крупные и мировые величины посещали его. Так я помню скрипача Сарасате, трагика Сальвини, сыгравшего «Отелло» и «Гладиатора», впечатление от игры которого осталось на всю жизнь.

Из русских гастролеров посещал Таганрог в течение ряда лет Иванов-Козельский — русский самородок, рано сгубивший себя неумеренным потреблением вина. Про него говорили, что в день спектакля антрепренер частенько рыскал по разным притонам, разыскивал его, а разыскавши, вез в баню и там в парной выпаривал из него хмель*. Он имел много поклонников среди гимназистов и я помню восторги, которые он вызывал своей игрой в Гамлете, Коррадо, Кине, Женитьбе Белугина и в других спектаклях.

Скажу еще несколько слов о празднике, который устраивало тогдашнее гимназическое начальство ученикам — 1 мая,

* Срв. рассказ Чехова «Средство от запоя».

Назначался определенный день, смотря по погоде, и гимназисты часов с 11-ти распускались по домам, чтобы подготовиться и к 2-м часам собраться в гимназию. Ученики и преподаватели облекались во все белое. С утра отправлялись в «Дубки» телеги, нагруженные самоварами, корзинами с бутербродами, чайниками, кружками и боченками с пивом. «Дубки» были традиционным местом, где из года в год совершалось празднование 1-го мая. Телеги сопровождали сторожа и швейцары под предводительством Ивана Трубы. К 2 часам гимназисты выстраивались на дворе в ряды и во главе с гимназическим оркестром с развернутыми знаменами трогались в путь. Оркестр гремел, собиралась толпа зевак, которая сопровождала шествие. По бокам и впереди шли преподаватели. Как только оркестр замолкнет, грянет хор. Свежая зелень листвы, густая, сочная трава, еще не спаленная жарким июньским солнцем, приветливо встречают шествие. Меж тем самовары уже кипят, разостланы скатерти. Ученики в чинном порядке подходят и получают чай, бутерброды и пиво. Недовольные скромным количеством этого напитка, незаметно отправляются в укромное место, где по предварительному уговору со швейцарами заготовлено было нечто другое, действующее сильнее пива, и здесь начинается неофициальная, так сказать, часть празднования. Затем ведутся игры: в мяч, в лапту, в беглого, с коня на коня и другие. Преподаватели, забыв на время всякую официальность и вспомнив свою юность, снимают сюртуки и превращаются в тех же гимназистов, дурачатся, бегают взапуски, борются, прыгают друг через друга; гимназисты прыгают через них, «сальют» мячом их; смех, шум, крик, общая свалка. Стена, созданная циркулярами и инструкциями и отдаляющая мир учеников от преподавателей, рушится, и лед, покрывавший в течение года все отношения учеников и преподавателей, тает. Все недоразумения, трения, недовольства, обиды забыты; им нет сейчас места; здесь царят смех, шутка, веселье.

Празднование длится несколько часов. Все устали. Наступает вечер, быстро сменяемый южной ночью. Зажигаются костры. Пора подумать и о возвращении в город. Праздник весны кончен. Опять строятся в ряды и с песнями возвращаются обратно. Гимназисты долго делятся воспоминаниями о всех радостях прошедшего празднества. Таких светлых дней было немного, тем ярче они запечатлевались в памяти.

Летом мы отправлялись в гавань и здесь без конца купались, смотрели, как приходят и уходят пароходы и парусные

корабли. По морю сновали ялики и лодки, а с рейда приезжали капитаны с заграничных пароходов, чтобы «освежиться» в разных увеселительных заведениях Таганрога и побывать в прекрасном городском саду, где вечером гремела музыка и раздавались итальянские мотивы.

Не малым удовольствием для гимназистов было «драть бычков», чему многие из нас со страстью и предавались. Эта операция заключалась в следующем. Берег моря, начиная от «каменной лестницы» и до гавани, был вымощен большими сцементированными глыбами известняка, но ежегодно весной «натерами» льда при ледоходе глыбы эти сдвигались со своих мест, переворачивались, и под ними образовались пустоты и дыры. Вот в этих то дырах и ямах и водились бычки — маленькая рыбка, к слову сказать, очень вкусная. Надо было достать эту рыбку, погрузившись в воду и запустив руку в дыру под камнями. Это ничего, что, опустившись в воду, иногда неосторожно глотишь полугорькой, полусоленой воды. Зато удовольствие вытащить рыбку и держать ее в руке, извивающуюся и бьющую хвостом. Операция эта длительная и требует упорства, ибо охотников «драть бычков» много, а бычков мало. Инойловец, своего рода Надир, весь посинеет от холода, щелкает зубами, но «охота пуше неволи»; вытащить лишнюю пару бычков очень заманчиво.

С ранней весны, как только южное солнце прогреет неглубокую у берегов воду, гимназисты открывают сезон купания, задолго до общепринятого, в середине апреля. Толпами они отправляются в гавань, рассыпаются по берегу, лезут в воду и начинают «драть бычков». Быть может, наблюдение над захлебывающимся водой и обмен мнениями по поводу глубоко спрятавшегося под камнем «подлеца» бычка, которого никак не достанешь, послужило основанием для прелестного рассказа Чехова «Налим», хотя бычка, благодаря его малым размерам, взять за «зябры» не представлялось никакой возможности. Операция эта становится гораздо проще, но зато и менее азартной, когда подует «верховой» ветер и угонит из залива воду на версту, а то и более.

В Таганроге господствует два ветра: «низовой» — юго-западный, нагоняющий из Черного моря соленую воду, и «верховой» — северо-восточный, угоняющий воду из залива. И необычную картину в таких случаях представляет берег. Лодки ложатся на бок, а по дну морскому бродят люди и со-

бирают «дары моря». Вот тут-то окончательная беда для бычков. Рыбка не успевает уйти с водою, застревает между камнями, и бери ее, что называется, «голыми руками», без всякого азарта.

Ранней весной, как только на море взломается и пройдет лед, открывается навигация. Застывший на зиму Таганрог, оживает. В гавани закипает жизнь.

Приходя из-за границы первые пароходы и парусные суда; приходят они за зерном, а привозят вина — сантуринское, висант, мальвазию, кагор; орехи и рожки, лимоны и апельсины, коринку, фурму, мидий, прованское масло и пряности.

В те времена Таганрогская гавань была не та, что в 90-х годах прошлого столетия. Здесь был центр жизни города. С обмелением Таганрогского залива гавань превратилась в пустыню, поросшую травой, а когда-то там вереницей тянулись возы, нагруженные пшеницей, ящиками с лимонами и апельсинами, мешками с орехами и рожками, бочками с вином.

Таганрог был первоклассной таможней, и все обширное Приазовье, восток России, средняя полоса снабжались колониальными товарами через Таганрог.

С Азовским морем и с таганрогской гаванью связано такое мало кому известное событие, как приезд Гарибальди.

В 30-х годах Гарибальди — так рассказывает он в своих воспоминаниях, — будучи простым матросом, до отплытия в Южную Америку, где его звезда как мирового борца за свободу народов впервые засияла ярким светом, приезжал на паруснике из Одессы в Таганрог, и здесь-то, в приморском кабачке, по преданиям, он встретился с одним из мадзинистов, который и ввел его в революционную организацию «Молодая Италия».

Говоря о жизни таганрогских гимназистов 80-х годов, нельзя обойти молчанием и таганрогский прекрасный, редкостный, можно сказать, городской сад, в котором гимназисты устраивали свои конспирации, собрания, собирались по вечерам, совещались по поводу предстоящих экзаменов. Прекрасный городской сад вообще занимал в нашей жизни немалое место. Несмотря на то, что Таганрог вообще не беден растительностью, — в нем много обширных дворов и садов, — а большая часть улиц по обеим сторонам обсажены в два ряда тенистыми деревьями, настолько разросшимися, что закрывают дома и представляют собой прекрасные аллеи из белой акации и тополей, проходя по которым чувствуешь

себя как бы идущим в тенистом саду, — все же городской сад манит к себе, и с ранней весны и до поздней осени мы чуть ли не каждый день посещали его. Он обширен, тенист и привлекателен своей прохладой, своим покоем.

Таганрогский сад так же хорош ранним утром, как и поздней ночью, да и вообще во всякую пору дня. Теперь он много потерял: прекрасная главная аллея, в конце которой виднелись стены каменной беседки, погибла.

Вход в сад стоил пятак. Деньга небольшая, но увы в кармане у нас в ту пору не всегда звенел лишний пятак, а потому мы предпочитали лазать в «дырку».

В саду была прекрасная тенистая уединенная аллея, обсаженная старыми деревьями и белой акацией, называвшаяся «Гимназической».

По вечерам на «кругу» гремит струнный оркестр под управлением Молла, а из глухих аллей доносится хоровое пение — это гимназисты поют «Дубинушку», «Укажи мне такую обитель», «Реве та стогне Днипр широкий»....

У нас был прекрасно спевшийся хор человек в 15 с отличными голосами. Мы все были страстные певцы, и ни одно собрание не обходилось без хорового пения.

Наряду с городским садом следует отметить и загородные места — прелестные уголки, где часто собирались гимназисты — «Карантин» и «Дубки».

От «Карантина» теперь ничего не осталось, что напоминало бы этот прекрасный, уединенный, поэтический уголок. В те годы обширное поле, ныне застроенное заводами и жилыми домами, было свободно; от берега моря тянулась неоглядная степь, а на крутом берегу росли деревья и цвели весной сады.

Вот в этом то «Карантине» или близ него, мы, гимназисты, частенько собирались и проводили дни, вечера и ночи. Первая прогулка после сдачи экзаменов была в «Карантин», куда мы отправлялись с утра, запасшись сачками для ловли мотыльков, жуков и бабочек и папками для сбора трав и цветов, без конца купались в море и возвращались домой в город поздней ночью.

Скажу еще несколько слов о забаве, носившей несколько жестокий характер: это бои зимой в снежки, происходившие между «основниками» и «параллельниками». В Таганрогской гимназии, ввиду ее переполнения в младших классах, начиная с 1-го и до 5-го, существовало два отделения, основное и параллельное. Мелкие стычки, накапливавшиеся в течение весны, лета и осени, кончались «разрядкой» зимой в боях в сне-

жки. Иногда сражение заканчивалось массовым членовредительством. В этих боях соединенные силы 4-х классов основников шли на 4 класса параллельников. В боях участвовало примерно человек 100—120.

В конце лета и осенью процветала ловля певчих птиц: щеглов, синиц, перепелов, чижей и др. С приближением осени среди гимназистов младших классов начиналось некоторое оживление: шли разговоры и споры о достоинстве той или иной птицы; организовывались компании и группы «на договорных началах», для совместной ловли, запасались клетками и западнями, выбирались площадки и места, где можно было заняться ловлей. Распространеннейшим способом ловли птиц была так называемая «привада». На открытой полянке в саду вкапывались два высоких шеста, между ними натягивалась рогожа, в которой на уровне роста птицелова прорезывались два отверстия — одно для глаза, другое для силка — длинного тонкого прута с петлей из конского волоса на конце; перед «привадой» на высоких палках привязаны кусты репейника, зерна которого так любят птицы; тут же клетка с «певцом», назначение которого своим пением привлекать и «осаживать» пролетающих птиц. С каким трепетом птицелов, бывало, следит за полетом стайки. Вот она пролетела, певец, сидящий в клетке, увидя своих свободных родичей, «защелкал, засвистал» — с тоски ли, с радости. Стайка закружилась, увидя любимую приманку — репейник, а певец заливается и щелкает, он «осаживает». Наконец, стайка осела. С замиранием сердца, присев на корточки, почти не дыша, ловец наблюдает, как осаживается стайка. Наконец, осторожно, чуть дыша, сквозь отверстие в рогоже, он наводит силок на шейку птички. Рывок — и птичка трепещет и бьется. Осторожно ловец втягивает пойманную птичку: «певец полей и лесов» в клетке.

В старших классах гимназии образовалась дружная тесная группа, составлявшая как бы одну семью, жившая единством настроений и чувств. В группу входили не только гимназисты. Это было как бы братство в лучшем смысле этого слова. Мы много и упорно работали в кружках.

Чем же питала в то время, в 80-х годах, гимназия своих воспитанников? Какую духовную пищу она им преподносила? Обогащала ли она их ум знаниями, содействовала ли пробуждению добрых чувств?

Увы, на это приходится дать отрицательный ответ. Ничего этого в то время не было.

Преподаванию латинского и греческого языков отводилось наибольшее число уроков. И тот и другой язык преподавались ежедневно по часу, а кроме того два раза в неделю еще давалось по лишнему часу, всего восемь уроков, тогда как на русский язык, на историю, на физику, на французский и немецкий — по два часа; о естественных науках опасно было и думать; они были своего рода «табу». Преподавание латинского языка начиналось со второго класса, греческого — с 3-го, а физики — с 6-го.

Для характеристики преподавания древних языков можно сказать, что оно сводилось исключительно к зазубриванию грамматики: красота и поэзия классических произведений оставалась нам чуждой и неизвестной. Вполне понятна та ненависть, которую возбуждали в нас классики. Не было таких проклятий, которые не сыпались бы на них, и большинство покидавших гимназию, не окончив ее, было из неуспевающих по латинскому и греческому языкам. При рациональной постановке изучение классиков могло бы сильно содействовать эстетическому и культурному образованию юношества. Ведь древняя культура — эллинская, главным образом, выработала идеал и образец совершенного человека, еще непревзойденный — *calos sagetos*, а латинская — идеал гражданина, и идеалы эти воплотились в высоко художественных произведениях классиков. Знание прошлого, знания быта и культуры, высокоразвитых народов могло обогатить ум юношества, но все это было чуждо тогдашней системе преподавания классических языков. Вот почему классики были предметом ненависти и вызывали только одно отвращение.

Я живо помню то громадное увлечение и внутреннее удовлетворение, которое испытал, когда, перейдя в 6 класс, я впервые принялся, после мертвящих вокабул латинского и греческого языков, за изучение физики.

У нас была громадная потребность в живом знании, в знании окружающих нас явлений, окружающей нас природы, а нам преподносили спряжения и склонения мертвых языков, правила спряжений и склонений и исключения из них. «Много есть имен на *is masculini generis: penis, pisci* и т. д., память до сих пор сохранила эту труху, пронесши ее на протяжении полувека.

Изучение истории, словесности, физики и математики, особенно первых двух, которые в смысле общего развития могли бы сыграть громадную роль, было поставлено из рук вон

плохо; они были только терпимы и как бы в роли придатков к главному — латинскому и греческому языкам.

Попытки некоторых преподавателей расширить рамки, дозволяемые инструкциями и циркулярами, оканчивались крахом. К изучению русских классиков почти и не приступали. Ограничивались легким прохождением некоторых произведений Пушкина, при чем о его симпатиях, о его сочувствии освободительному движению, о дружбе с декабристами совершенно умалчивалось. И дух его творений, проникнутых чувством гуманности, свободой и ненавистью к гнету и мракебесию, оставался нам неизвестным.

Никаких семинаров, никаких кружков по изучению предметов, преподаваемых в гимназии, не допускалось, и самая мысль о каком-либо легальном кружке казалась преступной и ни у кого не возникала.

Все, что допускалось, — это устройство раз в году вечера в пользу недостаточных гимназистов, на котором последние выступали в качестве певцов, декламаторов и пианистов.

На посещение театра надо было спрашивать разрешение у гимназического начальства, которое очень неохотно его давало. Записываться в библиотеку для чтения книг нельзя было, а тем более посещать читальный зал; чтение газет считалось делом запретным и преступным. В 1884 году вышел индекс запретных книг, куда вошло несколько сот названий, и книги эти были изъяты из библиотек. Впоследствии индекс этот пополнялся несколько раз. Выходить из дому можно было только до известного часа и позже 7-ми часов нельзя было показываться на улице. Преподавателям было вменено в обязанность посещать на дому по ночам учеников, проверять, дома ли они, что делают, что читают, где бывают и кстати попутно производить обыск²⁷.

Многим преподавателям такие функции были не по душе и коробили их, но некоторые вошли во вкус и охотно брали на себя эту миссию.

Так как Таганрогская гимназия 70-х годов тесно связана с именем А. П. Чехова, то было бы интересно подробнее знать гимназическую среду тех годов, знать наиболее яркие фигуры гимназистов, с которыми он учился и вступил в общение.

Его друзья по гимназии, с которыми он был наиболее близок, вел переписку и часто упоминал, — Зембулатов²⁸ и Савельев²⁹, не представляют собой большого интереса; это были не яркие фигуры, их жизненный путь и карьера были

однотонны, бескрасочны и типичны для среднего интеллигента того времени. Оба они окончили медицинский факультет в Московском университете и всю свою жизнь служили в провинции — один в Серпухове железнодорожным врачом, другой где-то на Кавказе. Но среди сверстников и одноклассников Чехова были и яркие фигуры, а по концу своей жизненной карьеры — и более трагичные. Так, мне припоминаются, наряду с другими—Всеволод Гончаров,³⁰ Марк Краса и Виндерович. Всеволод Гончаров — человек больших дарований и способностей, в гимназии был большой забияка, буян и мастер на различные отчаянные штуки. Он окончил гимназию с прилипшим к нему эпитетом «отчаянного», и только потому окончил ее, а не был отвержен, что шел всегда первым. Затем он поступил в Харьковский университет, а года через два приезжал в Таганрог уже совсем неузнаваемым человеком.

В Харькове он примкнул к революционному движению и среди местных народовольческих групп, как человек даровитый и большой энергии, занял руководящее место, принимая деятельное участие во всех делах и предприятиях местной центральной группы. В числе прочих дел он участвовал в экспроприации почты под Харьковом. Эпизод этот кончился трагически для одного из участников. Когда мчавшаяся почтовая тройка приблизилась к месту засады, один из участников покушения, студент Харьковского ветеринарного института Бердичевский³¹, обладавший громадной физической силой, бросился к лошадям, схватил их под узды и остановил, то почтальон выстрелил в него. Пуля попала Бердичевскому в лоб. Пробежав несколько шагов, он свалился и умер. Воспользовавшись происшедшим замешательством, почта ушла, а нападающие, оставив тело Бердичевского на месте, скрылись. Вскоре после этого Гончаров был арестован; в тюрьме он заболел, был переведен на так называемую «Сабуровскую дачу», т. е. в психиатрическую больницу, где вскоре и скончался.

Иная судьба была у его товарища по гимназии — Марка Красы. Он окончил медицинский факультет и был тюремным врачом в Ростове-на-Дону. В начале 80-х годов в Ростове происходил сенсационный процесс, жена местного миллионера лесопромышленника Максимова обвинялась вместе с приказчиком в отравлении мужа. Одной из сторон в этом процессе выступал известнейший в те годы адвокат Плевако, а свидетелем был доктор Краса. То ли роль его в этом процессе была неблагоприятна или по какой-либо иной причине, но Пле-

вако пустил про него эпиграмму, что, как известно, он любил делать. Вот эта шутка, после которой М. Краса должен был оставить Ростов:

В мире божьем, где краса
Там и радость,
А в Ростове, где Краса,
Там и гадость.

Совершенно иная судьба была у соученика Чехова Виндеровича. Этот пошел по судейской части, — был следователем. Затем, продвигаясь по служебной лестнице, он дослужился до прокурора, и был преисполнен гордости от этого высокого звания. Виндерович стремился всеми силами пролезть в местную знать, в среду крупных помещиков, что в конце концов ему и удалось. Таким образом Чехов оказался как бы среди двух полюсов: на одном революционер Гончаров, а на другом — прокурор Виндерович. Так разошлись дороги одноклассников, сидевших в гимназии на одних и тех же скамьях.

Василий Васильевич Зелененко (1886—1943), происхождением из таганрогских мещан, окончил таганрогскую гимназию в 1886 г., был арестован, в следующем году был выслан на родину — в Таганрог; в 1891 вновь арестован и увезен в Петербург. С 1892 по 1904 г. служил в Екатеринославе и Москве в управлениях жел. дор., в 1904 г. был арестован в Москве. С 1905 по 1917 г. служил в акционерных страховых обществах; с 1917 по 1938 гг. — служащий различных советских учреждений.

Напечатанный выше очерк Зелененко о Таганрогской гимназии был использован Ю. Соболевым в его биографии Чехова М. 1934, стр. 24—29, срв. стр. 323. В виду большого количества повторений, затрудняющих чтение текста, пришлось в очерке В. В. Зелененко сделать ряд редакторских сокращений и поправок.

¹ Имеется ввиду А. Дросси «Юношеские годы А. П. Чехова (Воспоминания школьного товарища)», «Приазовская Речь», 1910, 18 января, № 41.

² См. заметку «Как и с кем учился А. П. Чехов» (Чехов в Таганрогской гимназии. Материал, собранный инспектором гимназии Е. Ф. Ленткевичем) — «Приазовский край», 1910, № 40.

³ См. А. Л. Вишневский «Клочки воспоминаний». Под ред. Ал. Слонинского, «Academia», 1928.

⁴ А. П. Чехов поступил в гимназию в 1868 г. (Прощение отца о приеме 2 октября 1869 г.); в предшествующий год он учился в так называемой «академии» — подготовительном классе, формально в состав гимназии не входившем.

⁵ Мемуары писаны в 1926 году.

⁶ Характеристику, данную Зелененко чеху И. О. Урбану, опускаем. К Чехову он отношения не имел. По свидетельству Зелененко, Урбан, сменивший классика, грека Зикю, уехавшего на родину, начал свою деятельность, когда Зелененко был в 5 классе, т. е. в 1881—1882 учебном году. Тан-Богораз, окончивший таганрогскую гимназию позднее Чехова, помнил

Урбана и включил его имя в описание Таганрогской гимназии времен Чехова, хотя Чехов Урбана не знал, а был учеником его предшественника Зико. Благодаря неточности, допущенной Таном, имя Урбана ошибочно включается во все биографии Чехова (А. Роскин «Чехов», Детиздат, 1939, стр. 17—18; его же «Антоша Чехонте» 1940, стр. 63—64; А. Дерман «А. П. Чехов», ГИХЛ, 1939, стр. 19).

⁷ Имя Логина упоминается в аттестате Чехова. См. Мускаблит. Биография. (в сборнике статей А. П. Чехова, М., 1910 г.), стр. 20. О нем вспоминает Тан («Чеховский юбилейный сборник» 1860—1910, стр. 497).

⁸ Черты В. Д. Старова (его подпись есть в аттестате Чехова) отразились в «Учителе словесности» Чехова. Срв. Соболев «Чехов», 1934, стр. 29.

⁹ Федор Платонович Покровский (ум. 1898 г.). О нем и Чехове писали: М. Кукушкин, гимназический товарищ Чехова («Южный Телеграф» 1904, 15 июля), А. Дросси («Приазовская речь», 1910, 18 января), К. Народин (Киевская мысль», 1914, 2 июля), Scriba (со слов тетки Чехова, Морозовой—«Приазовский край», 1904, № 180), Тан-Богораз, также Михаил Чехов («Вокруг Чехова», М. 1933, стр. 26—27). В 1897 г. при участии Покровского Чехов был назначен почетным попечителем всех земских школ в Таганроге. Чехов так охарактеризовал Покровского: «Покровский — благочинный. В своем муравейнике он гроза и светило. Держит себя архиереем». 23 апреля 1898 г. Чехов писал Г. М. Чехову в Таганрог: «Будь добр, повидайся с протоиереем Ф. М. Покровским и конфиденциально сообщи ему, что он представлен к болгарскому ордену за заслуги, оказанные им в последнюю русско-турецкую войну» (т. 17, стр. 264). Ходатайствовал об ордене Покровскому сам Антон Павлович. В том же году Покровский умер. Чехов написал о нем некролог, оставшийся неопубликованным. (См. «Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова», 1939, стр. 361).

¹⁰ Эдмунд Рудольфович Рейтлингер (ум. 1903 г.), директор таганрогской гимназии с 1873 по 1884 гг. О нем сообщали Кукушкин, Народин. Так Александр Чехов писал брату 25 ноября 1903 г.: «Если помнишь — у Рейтлингера вся история, которую он нам преподавал, покоилась на Момзене, как земля на китах».

¹¹ О Дьяконове см. П. Сурожский «Живые персонажи Чехова» «День», 1914, 2 июля) и Тан «На родине Чехова». О нем, как прототипе Беликова у Чехова, срв. В. Ружейников «Футлярная политика» («А. П. Чехов и наш край», Ростов-н.-Д. 1935); Чехов высказался о Дьяконове в письме к М. П. Чеховой (1887 г.): «А. Ф. Дьяконов по-прежнему тонок, как гадючка, носит коленкорные брючки и оковородку вместо картуза». (т. 13, стр. 312).

¹² Маак расписался в аттестате зрелости Чехова.

¹³ О П. И. Вукове, как классном наставнике, вспоминали Вишневский, Дросси, Тан-Богораз; на основании беседы с Вуковым написана статья Народина «На родине Чехова» (Киевская мысль», 1914, 2 июля).

¹⁴ Тан - Богораз называет его — Зикос.— У А. Роскина: Зико (стр. 17)

¹⁵ О Крамсакове вспоминали Вишневский, П. Сергеевко, Тан-Богораз

¹⁶ Его подпись имеется в аттестате зрелости Антона Павловича.

¹⁷ В аттестате Чехова расписался «за секретаря совета».

¹⁸ Срв., например, Роскин «Антоша Чехонте», стр. 43; источником является М. П. Чехов: «Вокруг Чехова», 1933, стр. 51.

¹⁹ Барона Ферзена можно сопоставить с Тузенбахом из «Трех сестер», как Джапаридзе с Соленым, а Таганрог 1887 и следующих годов с разбившейся здесь артиллерийской бригадой напоминая быт города, изоб-

раженного в пьесе Чехова. Со слов Захара Игнатьевича Аверино П. П. Филевский сообщил следующие подробности о Ферзене и дуэли: «Звали барона Ферзена Германом. Приехал в Таганрог он после турецкой войны 1877 г. Он был братом графини Платовой и жил в деревне Платовой. Это довольно неопределенное указание, потому что Платовой называют и Весело-Вознесенское, и усадьбу вблизи большой деревни, и Б. Крепкую (у Чехова — Княжую). Зиму же Ферзен проживал в Таганроге вместе с отцом Захара Игнатьевича Ипатием Николаевичем и Иваном Николаевичем Авериным. Все эти холостяки жили во флигеле, где была аптека Штримера (рядом с домом Майкапара), а потом в нижнем этаже дома Кундури (угол Николаевской и Варвациевского пер.). К ним наезжали донские аристократы В. Д. Мартынов, Платов, Иловайский. Ферзен был гусар, но будучи в отставке, носил партикулярное платье. Дуэль относится к 1886 или 1887 гг. (орз., с письмом Чехова о его посещении Таганрога: «видел Джапаридзе, местную знаменитость, дравшуюся на дуэли»). Была тогда львица в Таганроге Ольга Юлиановна Паласова (рожд. Арбушевская). Было какое-то анонимное письмо, оскорбительное для О. Ю., которое почем-то некоторые приписывали Ферзену. Джапаридзе в обществе был любимец, Ферзен начинал играть роль. О нем пишет Захар Игнатьевич Аверин со слов покойного отца, «что он был с ног до головы джентльмен, умница, светский человек и производил впечатление». В вестибюле клуба Джапаридзе нанес Ферзену нагайкой удар по затылку. Дуэль состоялась в Дубках. Во время дуэли первый стрелял Джапаридзе, затем Ферзен; он нестерпимо долго целил в противника, так что Цитреус (секундант) крикнул ему: «стреляйте или выстрелю я», у него в руках был пистолет. Аверин приводит слова Цитреуса, с которым он об этом говорил в 1917 г. Дуэль окончилась, несмотря на серьезность, счастливо — никто не был ранен. Но вопреки обычаю примирения не состоялось; страсти не улеглись; общественное мнение колебалось, хотя большинство было на стороне Джапаридзе». В дополнительном письме П. П. Филевский внес поправку со слов Федосьи Захаровны Аверино, современницы события: первый стрелял не Джапаридзе, а Ферзен. Джапаридзе же после прицела стрелял в воздух.

²⁰ 1 апреля 1895 г. Александр Чехов писал Антону Павловичу. «Наткнулся я на историю с заживо погребенным регентом Михаем Герасимовичем» («Письма Александра Чехова», стр. 310). В ненапечатанном дневнике Александра Чехова есть сведения о мнимом летаргическом сне Михеича, опровержение было напечатано таганрогским полицмейстером (там же, стр. 503).

²¹ Прочитавший настоящую рукопись П. П. Филевский высказался так об описании выпускных экзаменов: «Рассказы про ухищрения в добыче тем во время экзаменов на аттестат зрелости, конечно, легендарны. Кое-что было, но рассказы о роли Ивана Губы, большого оригинала, не соответствуют действительности. В частном письме к Зелененко Филевский писал: «Относительно экзаменов на аттестат зрелости приведу вам иллюстрацию, которая подтверждает и Ваши сообщения и вообще характеризует учителей того времени, которые далеко не были беспощадными исполнителями циркуляров. Перед экзаменом зрелости собрались все мои товарищи ко мне на квартиру посоветоваться, как друг другу помочь. Решили разместиться так, чтобы сильные могли помочь слабым и составить схему, кому где сидеть. Но ведь нас могут разместить совсем иначе. Тогда решили показать список нашему классному наставнику и просить его содействия. Но как же это сделать? Кто решится? Взялся Вендерович, впоследствии член Таганрогского Окружного суда. Он отправился к Э. И. Штейну и все ему изложил. Штейн взял у него список и сказал, что поду-

мает. Черновой список остался у меня и до сих пор хранится. Экстернам (их было 4) мы сказали, чтобы нам не мешали, мы и им поможем. В день экзамена мы с тревогою ждали, что будет. Перед открытием актового зала Штейн вышел из учительской и громко крикнул директору: «Через 10 минут приходите, а я размещу учеников». И каково же было удивление, когда он стал нас рассаживать по данной ему схеме. Нет никакого сомнения, что Штейн о нашем разговоре сказал директору, а может быть знали и другие учителя. Еще помню, что сдавши работу по греческому языку, я ушел и уже около дома Алфераки вспомнил, что сделал ошибку в слове «ейпейн!» (сказать), меня в пот бросило, карандаш в руке сломался я поспешно возвратился, бросился в зал, где оставалось всего человек пять, оканчивающих свою работу. Кроме наблюдателей, И. А. Островского и еще кого-то был преподаватель греческого языка К. Е. Зико, пришедший взять работы для исправления. Я взволнованно стал просить исправить ошибку — просил почти невозможного. Островский обратился к Зико и спросил: «Правду ли Филевский говорит, что он такой ошибки не мог сделать, что просто описка». Зико отвечал, что он не сомневается в этом, и мне разрешили сделать поправку. У учителей не было запуганности: не прибегая к начальству, они делали отступление от строгого регламента министерства.

²² Пристрастие к цитатам из «Гамлета» совершенно бесспорно и у Чехова, особенно в его раннем творчестве и переписке.

²³ А. Б. Тараховский писал о Чехове в «Приазовском крае», 1902 г., №№ 182 и 184. Известно 21 письмо Чехова к Тараховскому.

²⁴ Филевский по этому поводу замечает: «Случай, связанный с лестным отзывом Чехова вот какой: Тараховский для «Посредника» (издательство) написал брошюру «Горячее сердце». Вещица в духе Толстого, — «Посредник», других не издавал. А. П. Чехов, как поклонник Толстого и выразил свое одобрение. Этот эпизод я хорошо помню: с Тараховским я тогда часто встречался».

²⁵ Из упоминаемых мемуаристом пьес ко времени пребывания Чехова в Таганроге несомненно относятся: «Каширская старина» Аверкьева. «Отрабленная почта» Бурдина (репертуар 1872 г.), «Парижские нищие» (репертуар 1873 г.), «За монастырской стеной», (репертуар 1877 г.). Исполнение этих пьес в Таганрогском театре подтверждается сохранившимися афишами (срв. В. Третьяков «Очерки Таганрогского театра с 1827 по 1927 гг.», Таганрог, стр. 60—62). О том, что Чехов видел в Таганрогском театре «Убийство Коверлей» писали Михаил Чехов («Письма», 1, стр. XV) и Андреев-Туркин («А. П. Чехов и наш край» Ростов-на-Дону. 1936, стр. 42). — Вообще же — согласно афишам, репертуар Таганрогского театра за семидесятые годы был таков: в 1873 г. шли «Мирандолина», комедия в трех действиях, «Чайный цветок», опера в двух действиях Леока. «Парижские нищие», драма в пяти действиях, «Итальянские бандиты», опера — буф в трех действиях, перевод с французского, «Елена», фантастическая комическая опера в трех действиях, переделка Вальяно и «Гайдамак Гаркуша» — украинская быль в пяти действиях Орликовско-го. В 1875 г. шли: «Лукреция Борджия», опера в трех действиях Донизетти и «Зора» или «Моисей в Египте», мелодрама в четырех действиях Сарду, «Демон», драма в пяти действиях Денакура и Тебу, «Последняя жертва» Островского, «Романбольш», перевод с французского Кузмина, «Доходное место», комедия Островского, «Ошибки молодости», комедия в пяти действиях Штеллера, «Женитьба убийцы», драма в пяти действиях, а также две пьесы Островского «Грех да беда на ком не живет» и «Вол-

ки и овцы». В 1879 г. исполнялись: «Хижина дяди Тома», драма в семи картинах по Бичер-Стоу, в переводе Федорова, «За монастырской стеной», драма в пяти действиях, «Семейные пороги», драма в четырех действиях Дьяченко, «Черненькие и беленькие», комедия в пяти действиях Чернышева, «Скользкий путь», драма в четырех действиях Королева.

²⁶ Гаэтано Молла, уроженец Генуи, в качестве хормейстера гастролировал в России. Будучи в Таганроге, сформировал оперный хор из местных жителей. Влюбившись в одну из хористок, он женился на ней и поселился в Таганроге. Он был оставлен постоянным дирижером местной оперы, летом дирижировал оперным оркестром в городском саду. В 1874 г. у Молла брал уроки С. М. Майкапар, впоследствии профессор Петроградской консерватории по классу фортепьяно. Судя по воспоминаниям Майкапара («Годы учения», 1938), Молла впервые появился в Таганроге около 1870 г.

²⁷ По этому поводу Филевский замечает: «Воспитанников, живущих у родителей и у лиц, которым родители поручали своих детей, для доказательства чего достаточно было частного письма, классные наставники не посещали; зарегистрированные же квартиры были на ответственности гимназии и туда помещали родители по указанию гимназического начальства и до обысков дело не доходило, но следили, чтобы по ночам юноши не шатались по вертепам, так как квартирхозяева часто мирволили юношам, привлекая тем «пансионеров».

²⁸ Василий Иванович Зембулатов. С его слов написана статья: «А. П. Чехов в юности» («Приазовский край», 1904, № 220).

²⁹ Дмитрий Тимофеевич Савельев; в студенческие годы жил в Москве в семье Чеховых. Известны 7 писем Чехова к Савельеву.

³⁰ Всеволод Акимович Гончаров (1859—1884), таганрогский мещанин. В 1884 г. был студентом 3 курса медицинского факультета Харьковского университета. О нем см. «Деятели революционного движения в России», т. III, 1933, стр. 881.

³¹ Яков Леонтьевич (Львович) Бердичевский (1861—1883), уроженец Александровска.

На очерк Зелененко имеются два отзыва Павла Петровича Филевского (1856—1950) (хранятся в ЦГЛА). О Филевском, как краеведе, реакции педагогов и монархически настроенном историке см. статью А. А. Пушкаренко «Политические и исторические взгляды П. П. Филевского» (Таганрогский краеведческий музей. Краеведческие записки. Выпуск 1. Таганрог 1957). Филевский учился в таганрогской гимназии, был двумя годами старше Чехова по классу и хорошо знал всех местных педагогов. С 1881 г. он был преподавателем сначала мужской, затем женской гимназии в Таганроге. Выше в примечаниях использованы отдельные указания Филевского из его отзывов на рукопись Зелененко. Присоединяем ряд замечаний Филевского относительно таганрогских учителей, не разбивая их по отдельным лицам.

Филевский писал: «Упоминание о том, что многие учителя Таганрогской гимназии нашли свое отражение в творчестве Чехова, не верно. Я ни одного не знаю, а относительно «человека в футляре», будто бы Александра Федоровича Дьякова я положительно убежден, что признавать это — значит отрицать у Чехова умение понимать людей. Да вообще герои Чехова характера онитетического: он, наблюдая особенности современников, создавал, обобщая свои типы». В другом напечатанном очерке Филевского, посвященном таганрогской гимназии времен А. П. Чехова, читаем: «Однажды приехал ревизовать гимназию попечитель Одесского округа Сольский—это был самый строгий, но и самый дельный попечитель, сколь-

ко я их знал. Во время обхода классов, заметив на парте какую-то постороннюю книгу, Сольский сказал директору Рейтлингеру, чтобы тот поставил на вид инспектору Дьяконову, что ученики носят в гимназию посторонние книги. Уроки окончились и попечитель в сопровождении директора уходил из гимназии. При выходе из учительской комнаты к нему подошел Дьяконов и подал прошение об отставке. Когда Рейтлингер увидел это прошение в руках Сольского, то вскрикнул: «Александр Федорович, что это значит?». И тут же стал говорить попечителю, что это образцовый инспектор, что нельзя допускать ухода таких людей со службы, и, наконец, какая причина? На это инспектор сказал: «Его превосходительство поставило мне на вид мое упущение по службе, а я знаю, что и впредь могут принести постороннюю книгу, следовательно, я не могу выполнять указания начальства, а потому предоставляю мою должность тому, кто лучше меня будет нести свои обязанности». Попечитель и директор стали убеждать инспектора взять обратно свое прошение. Дело кончилось тем, что попечитель стал просить извинения у Дьяконова за незаслуженный упрек.

Однажды оставленный без обеда на один час мальчик Калашников не оказался в классе, когда служитель пошел отпустить его домой; об этом он и доложил инспектору (Дьяконову). На другой день, когда я пришел в гимназию, инспектор обратился ко мне с вопросом: «Каким образом мальчик убежал из запертого класса?». Оказалось, что он по случаю дождя пришел в гимназию с дождевым зонтиком и, зная, что оставлен после урока, взяв на перемене зонт в класс, открыл окно и с помощью зонтика, как на парашюте, спустился со второго этажа. Александр Федорович пришел в такой неописуемый восторг от этого молодечества, что не только не наказал мальчика за бегство, но даже не заставил отсидеть положенное наказание».

Далее в своих замечаниях на рукопись Зелененко Филевский писал: «В. И. Логинов был из семинаристов, преодолев все трудности, он попал в университет. Знал он свой предмет очень недурно, но не так, как надо для гимназии. Юноши и гимназисты любят историю, их там увлекают живые люди и проявление их воли; молодежь любит действие, а не положение; бытовая сторона их менее увлекает, а обобщения их интересуют тогда, когда они уже хорошо ознакомятся с фактами. Юношей надо увлекательным изложением перенести в прошлое, история не только наука, но и искусство, а Вас. Иллар фактической историей детей и юношей не баловал, умением передавать не отличался. Ко всему этому педагогическим талантом он не обладал. Ученики его огорчали, начальство было недовольно, он возненавидел гимназию и записал, так как и без этого имел к тому склонность. Дело кончилось параличем. Законоучителя Покровского, г. Зелененко плохо понимал. Ни глубоким знанием, ни серьезной начитанностью он не отличался. Читал то, чем можно было шеголять в обществе. В разговоре был находчив, но не серьезен. Гимназистов мог удивить и заинтересовать, так как касался предметов, выходящих из программы преподавания. Вообще внешнего лоска было много, но содержание пустое.

Юлий Федорович Маак никогда субинспектором не был и на такую полицейскую работу при своем характере он не пошел бы. Окончил свою педагогическую карьеру директором реального училища, кажется, Золотоношского».